

А.В. КОЛЧАК И «СОЮЗНИКИ»: ОТ ЯПОНСКОГО ПЛЕНА ДО ИРКУТСКОЙ ДРАМЫ

А.В. Шалак

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
17 января 2022 г.

Дата принятия к печати
8 апреля 2022 г.

Дата онлайн-размещения
27 апреля 2022 г.

Ключевые слова

Колчак; интервенция; союзные государства; геополитическая интерпретация

Аннотация

Октябрьский переворот 1917 г., последовавшая за этим интервенция и Гражданская война продолжают оставаться важнейшими пунктами советской истории. Несмотря на обилие исторической литературы по теме, вопросы непосредственных взаимоотношений представителей Белого движения с «союзными государствами» изучены на уровне конкретно-исторического анализа значительно уже и в основном рассматриваются в контексте других проблем. Открытие новых документов позволяет на более широкой документальной основе исследовать узловые пункты взаимоотношений А.В. Колчака с представителями западных государств. Цель исследования — проанализировать эволюцию данных взаимоотношений от японского плена (1905 г.) до иркутской драмы (1920 г.). В качестве методологического подхода используется геополитическая система знаний. Геополитика в качестве основного субъекта исторического творчества рассматривает государства, которые стремятся усилить свои позиции за счет обеспечения доступа к ресурсам и при этом максимально нейтрализовать противников. Соответственно, те силы, которые поддерживались интервентами в период Гражданской войны в этих целях, объективно выступали на стороне геополитических противников России. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Колчак, не имевший опыта государственного управления, управления сухопутными войсками, поддержки со стороны какой-либо влиятельной политической структуры внутри страны, в роли «Верховного правителя» изначально выступал в качестве прямого агента западных государств, заинтересованных в затягивании Гражданской войны и ослаблении России.

Original article

ALEXANDER KOLCHAK AND THE «ALLIES»: FROM THE JAPANESE CAPTIVITY TO THE IRKUTSK DRAMA

Alexander V. Shalak

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
January 17, 2022

Accepted
April 8, 2022

Available online
April 27, 2022

Keywords

Alexander Kolchak; the Intervention; allied states; geopolitical interpretation

Abstract

The October Revolution of 1917, the subsequent Intervention and the Civil War continue to be major landmarks in Soviet history. Despite the abundance of historical literature on the subject, the issues of the direct relationship between the representatives of the White Movement and the «Allied states» have been much less studied at the level of concrete historical analysis and are mostly considered in the context of other issues.

Discovery of new documents allows us to study the key points of Kolchak's relations with representatives of Western countries on a broader range of documentary sources.

The purpose of the study is to analyze the evolution of these relationships from the Japanese captivity (1905) to the Irkutsk drama (1920).

The geopolitical system of knowledge is used as a methodological approach. Geopolitics considers states that seek to strengthen their position by securing access to resources, while neutralizing their adversaries as much as possible, as the main subject of historical creation. Therefore, the forces that were supported by interventionists during the Civil War were objectively on the side of Russia's geopolitical adversaries. The study leads to the conclusion that Kolchak, who had no experience in public administration, command of land forces, or support from any influential political structure within the country, from the very beginning, in his role of «Supreme Ruler», acted as a direct agent of Western states interested in prolonging the Civil War and weakening Russia.

Геополитическая интерпретация политической истории исходит из того, что вмешательство в перераспределение ресурсов России не могло вестись спонтанно. Оно основано на долговременном стратегическом планировании, подготовке обширной агентуры и финансировании. С этой точки зрения связь многих лидеров Белого движения с представителями западных государств не может рассматриваться как случайная, возникшая в силу специфических обстоятельств революционных событий в России. Требуется более внимательный и обстоятельный анализ их геополитических предпочтений в предшествующий период. Только в таком контексте можно объяснить не только влияние внешнего фактора на события, связанные с государственным переворотом 1917 г. и развязыванием Гражданской войны, но и позицию, деятельность многих лидеров Белого движения.

Целью данного исследования является анализ эволюции взаимоотношений А.В. Колчака с представителями западных государств. Источниковой основой представленного анализа послужили печатные выпуски документальной продукции, посвященные биографии А.В. Колчака. В 2021 г. вышло фундаментальное двухтомное издание документов, почерпнутых из 13 федеральных, ведомственных и региональных архивов, значительная часть которых опубликована впервые [1; 2]. С переизданными ранее протоколами допроса А.В. Колчака [3], а также многочисленными воспоминаниями тех, кто был непосредственным участником данных событий, они позволяют последовательно рассмотреть эволюцию его деятельности на политическом поприще.

Первое знакомство Колчака с представителями западных государств состоялось в японском плену, куда он попал после сдачи Порт-Артура. Об этом эпизоде Колчак единственный раз упоминает на допросах в Иркутске. Из его объяснения следует, что из госпиталя Порт-Артура (лечился там от рев-

матизма) он был доставлен в Нагасаки. Здесь от имени японского правительства французский консул «великодушно» предоставил ему возможность пройти санаторно-курортное лечение. После месяца лечения Колчака переправляют в Россию не через Владивосток по железной дороге, а через США. О его пребывании в США нет никаких сведений. Это настолько малоизвестная страница в биографии Колчака, что даже его близкий друг молодости контр-адмирал С.Н. Тимирев, который был знаком с ним со школьной скамьи (состояли в одной роте, будучи кадетами, постоянно сталкивались по службе, участвовали в Русско-японской войне), в своих мемуарах, вышедших в 1922 г., ничего не упоминает о пребывании Колчака в Нагасаки. Он утверждает, что японцы эвакуировали его в Шанхай, откуда тот был отправлен в Россию [4, с. 8–9]. Судя по всему, подход к пленным был избирательным, англичане и французы контактировали только с определенной частью российских пленных. Если бы это было не так, С.Н. Тимирев не смог бы забыть факта совместного нахождения с Колчаком в японском плену.

Политическая карьера Колчака, по сути, начинается по его возвращении в Россию из плена. Колчак с небольшой группой офицеров инициирует создание полуофициального кружка, который претендует на то, чтобы определять морскую стратегию России, и возглавляет его [3, с. 22–23]. При поддержке графа А.Ф. Гейдена, начальника Морской походной канцелярии Государя Императора, кружок в апреле 1906 г. преобразован в Морской генеральный штаб. Подобная деятельность удачно вписывалась в политическую атмосферу страны. Члены кружка активно выступали на поприще лоббирования определенных статей военного бюджета, а именно — перераспределения статьи военного бюджета на строительство линкоров. Член Государственной думы третьего созыва Н.В. Савич в своих мемуарах отмечает, что

наиболее «блестяще отстаивал требование о постройке четырех броненосцев» представитель вновь созданной структуры в лице Морского генерального штаба А.В. Колчак [5, с. 169–172]. После того как эту программу с большим трудом, но все же удалось пролоббировать, деятельность вновь созданной структуры в лице Морского генерального штаба сворачивается, а с началом Первой мировой войны Морской генеральный штаб был исключен из контура управления флотом [6, с. 136].

Отметим, что Россия в то время не обладала возможностями превращения своего флота в океанический, поскольку не имела баз для дозаправки линкоров углем, поэтому построенные линкоры по прямому назначению использованы не были, а уязвимость российского флота возросла даже во внутренних морях в связи с угрозой со стороны подводного флота. Интересно отметить, что Колчак, настаивая на строительстве океанического флота России, в то же время выступал против создания военно-морских сил, способных противостоять Японии и западным государствам в Тихом океане. Одновременно он демонстрировал лояльность по отношению к Великобритании, утверждая, что флот Англии не угрожает безопасности России. Эти идеи он формулирует в статье «Какой флот нужен России», опубликованной в 1908 г. [7]. Позиция Колчака более чем странная, поскольку как участник Русско-японской войны, по итогам которой был уничтожен военный флот России, он не мог не знать, что за спиной Японии тогда стояли Англия и США, на стороне России выступала Германия.

Британия, в тот период являвшаяся основной морской державой, пресекала любые попытки изменения баланса сил на континенте. Особую обеспокоенность у Англии вызывала Германия, которая активно укрепляла свои военно-морские силы. В итоге соотношение военных кораблей Великобритании и Германии к 1914 г. составило 2,1 : 1 (в 1880 г. оно было 7,4 : 1) [8, с. 109–110].

Удержать свои заморские владения и сохранить морское господство Великобритании могла только в случае максимального ослабления континентальных государств. Идеальным выходом виделось столкновение России и Германии в войне, которая неизбежно привела бы к ослаблению их потенциала вплоть до полного разрушения имперской государственности. Генерал военной разведки царской России А.Е. Едрихин утверждал, что противостоять этому можно

было лишь через создание союза России и Германии, направленного против «утонченного деспотизма Англии» [9, с. 88]. Колчак же утверждает, что главным врагом России в настоящем и будущем является Германия.

Таким образом, интерпретируя позицию и деятельность А.В. Колчака после японского плена и в условиях подготовки к новой масштабной войне в Европе, следует отметить, что в тогдашнем раскладе он пропагандирует и отстаивает цели, которые отвечают геополитическим устремлениям Великобритании.

Деятельность А.В. Колчака в годы Первой мировой войны на Балтийском флоте интересна лишь его стремительным карьерным взлетом, который остается загадкой до сих пор [10]. Напомним, что до японского плена карьера Колчака не задалась. Чин лейтенанта ему был присвоен 6 декабря 1898 г., и в этом чине он пребывал восемь лет. Командующий Балтийским флотом адмирал Эссен по непонятным причинам явно благоволил Колчаку. Как пишет С.Н. Тимирев, именно Эссен уже в марте 1915 г. пытался провести Колчака в адмиралы. Но тогда с первой попытки это не удалось [4, с. 12].

В своем дневнике капитан второго ранга И.И. Ренгартен, служивший в штабе командующего Балтийским флотом, отмечал, что назначение Колчака на должность командующего Черноморским флотом было для всех полной неожиданностью. Это решение «держалось в абсолютной тайне». Назначение Колчака прошло помимо командующего Балтийским флотом. В знак протеста тот подал прошение об отставке, объясняя свое решение тем, что он «лишен возможности избирать себе помощников». Когда, как пишет Ренгартен, он с группой офицеров после получения известия о назначении Колчака прибыл на «Кречет», то в столовой они застали растерянных офицеров с бокалами шампанского в руках, и среди них был Колчак в вице-адмиральских погонах, «удерживающий улыбку удовольствия» [1, с. 324–325].

Причину столь быстрого карьерного продвижения Колчака военный министр Временного правительства А.И. Верховский объяснял тем, что Колчак тесно общался с представителями буржуазии в Государственной думе, и продвижение Колчака на пост командующего флотом Черного моря было «первой крупной победой этих кругов» [11, с. 169–170]. Сам Колчак свои связи с либеральной частью буржуазных кругов никогда не афишировал и внешне сохранял верноподданнические чувства по отношению к монарху. Еще в начале октября 1916 г. в

телеграмме, направленной в Морской штаб Верховного главнокомандующего, он называет Николая II «обожаемым верховным вождем» и выражает ему чувства «беспредельной любви и преданности» [1, с. 370]. Спустя несколько месяцев он первым из высшего командного состава присягнул Временному правительству.

Присягу Временному правительству он сохранял чуть более трех месяцев. Социальный хаос, порожденный переворотом февраля 1917 г., Колчак использует для сложения с себя полномочий командующего Черноморским флотом. Все это удивительно совпадает по времени с приездом американского контр-адмирала Дж. Гленнона в Севастополь для встречи с Колчаком. Обрато в Петроград они возвращаются в одном вагоне, а затем американский адмирал инициирует поездку Колчака в США.

С этого начинаются прямые контакты А.В. Колчака с представителями англосаксонских стран. На данном этапе представителей будущих «союзных государств» Колчак интересуется как источник информации, причем не только сугубо военной, но и военно-политической. Колчак не только соглашается стать источником такой информации, но и желает выторговать для себя определенное место в военных структурах США. И такие обещания возможного перехода на службу американскому государству он получает.

В письме А.В. Тимиревой от 17 июня 1917 г. Колчак сообщает, что имел совершенно секретный и весьма важный разговор с послом США и адмиралом Гленноном. Он пишет, что дал согласие принять участие в операциях на стороне США: «...я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу» [там же, с. 490]. Как видно из письма, Колчак добровольно предлагает свои услуги американцам. И на этом этапе американцы их принимают. Очевидно, что с их стороны следуют некие обещания.

В Америку он прибывает 30 августа 1917 г. В США в течение нескольких недель Колчак делился информацией с американской стороной, рассчитывая «продолжить свою боевую деятельность» на службе в американском флоте [там же, с. 124]. Но американцы на это его желание не отреагировали. Возможно, такому решению способствовало более близкое знакомство с Колчаком. Нужно отметить, что и в дальнейшем, когда Колчак выступал в роли «Верховного правителя», американцы не испытывали какого-либо

доверия к нему, не шли на близкие контакты, предпочитая решать свои проблемы с опорой на других противников советской власти.

В письме А.В. Тимиревой от 29 сентября Колчак сообщает, что ему придется возвращаться в Россию, «хотя совершенно не знаю, что буду там делать» [1, с. 46].

Очевидно, желание Колчака попытаться пристроиться на службу к англичанам созрело на пути из США в Японию. Глубоко уязвленный отказом американцев, он ищет отклика у их ближайшего союзника. Через два месяца английское правительство удовлетворило прошение Колчака. Свою очередную попытку перейти на службу иностранному государству он пытается оправдать религиозной верой в войну. В январе 1918 г. Колчак пишет Тимиревой, что «поставил войну выше родины, выше всего... Я отдаю отчет в своем положении — всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно, является кондотьером с весьма сомнительным отражением на идейную или материальную сущность своей профессии» [там же, с. 514].

На контакты с представителями России, стремившимися организовать сопротивление советской власти за Уралом, Колчак не идет. Как явствует из письма генерального консула в Шанхае В.Ф. Гроссе посланнику в Пекине князю Н.А. Кудашову, Колчак готов приехать в Пекин только при условии получения прямого приказа от представителя английского правительства, на службе коего он находится [там же, с. 513–514]. Пока русская миссия пыталась убедить англичан, Колчак отправился на Месопотамский фронт. Решение британцев о «его более желательном присутствии в Маньчжурии» он получил, когда находился уже в Сингапуре. Ситуация в Маньчжурии и на Дальнем Востоке складывалась непростая, и англичане из своих соображений предпочли держать Колчака поближе к эпицентру событий.

15 апреля 1918 г. состоялось заседание Правления Общества Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которое официально поручило Колчаку заведовать всеми русскими вооруженными силами в районе дороги. Однако организовать военный контроль над КВЖД у Колчака не получилось. США и Великобритания реальной военной силой в регионе не располагали, а Японии сильные вооруженные силы, контролируемые другими государствами, были не нужны. Поэтому японская сторона сделала ставку на амбициозного Семенова, а тот, опираясь на японскую поддержку, сотрудничать с Колчаком отказался. Колчак, не имевший полити-

ческого веса, не разбиравшийся в тонкостях сухопутной службы и политической ситуации, не смог договориться ни с японскими представителями, ни с Семеновым, а также добиться какой-либо серьезной помощи от США и Англии. Его деятельность в этой должности, по сути, заканчивается спустя два месяца после назначения.

30 июля 1918 г. Колчак уезжает в Японию. Очевидно, конфликт с японцами повысил вероятность продвижения Колчака западными государствами на роль лидера антисоветских сил за Уралом. На Дальний Восток прибывают войска интервентов, и им требуется человек, за спиной которого они могли бы осуществлять военный и политический контроль. Колчак, фактически находившийся на службе британского правительства, в наибольшей степени подходил на эту роль, поэтому в Токио он оказывается не случайно. По крайней мере, сразу после приезда ему наносит визит Нокс. Об этом визите подробно можно узнать из протоколов допроса Колчака [3]. В беседе с Ноксом обсуждается примерный план, который в дальнейшем будет реализован «союзниками» в Омске при непосредственном участии Колчака. Ставка делается на вооруженную диктатуру. Очевидно, Нокс не скрывает, кого они планируют на роль диктатора. Колчак не возражает, но и выставляет нечто вроде условия: «Я с ним условился принципиально, что создание армии должно будет идти при помощи английских инструкторов и английских наблюдающих организаций, которые будут вместе с тем снабжать ее оружием...» [там же, с. 38]. Такой позицией в качестве агента английских представителей он, безусловно, устраивал интервентов, поэтому Нокс после встречи отправляет в Лондон телеграмму: «Без сомнения, Колчак лучше всех русских подходит для нашей цели» [12, с. 65].

В течение двух с половиной месяцев Колчак вместе с А.В. Тимиревой находится на курортах Атами и Никко в Японии. В это время англичане улаживают все «технические вопросы» продвижения Колчака на роль «Верховного правителя». 16 сентября 1918 г. А.В. Колчак отплыл из Иокогамы во Владивосток. Только перед отбытием из Владивостока в Омск Колчак официально уведомляет Д.В. Хорвата о своем выходе из Правления Общества КВЖД. До этого он исправно получает свое жалованье в размере 2 тыс. р. в месяц [1, с. 525].

Из Японии во Владивосток А.В. Колчака сопровождал глава французской «дипломатической миссии» Ренью, а из Владивостока

в Омск его доставляет английский генерал Нокс, являвшийся главой британской военной миссии на востоке России. Под давлением английского верховного уполномоченного и главы британской военной миссии и под обязательство признания Англией правительства Директории Колчак 4 ноября был введен в его состав и назначен военным министром [2, с. 36].

Военным министром Директории и командующим Сибирской армией был на тот момент генерал П.П. Иванов-Ринов. Он находился на Дальнем Востоке, где пытался создать полноценные вооруженные силы и привести в повиновение местные власти. Его кандидатура устраивала японцев, ему отдавали свои предпочтения и военные. В донесении морского агента в Японии и Китае контр-адмирала Б.П. Дудорова от 28 ноября 1918 г. сообщалось: «...назначение адмирала военным и морским министром являлось... вызовом, брошенным Японии» [там же, с. 81]. В телеграмме генерал-майора П.А. Бобрика на имя начальника штаба Сибирской армии в связи с назначением Колчака отмечается: «Я думаю, что если бы все это знал Колчак, то он как патриот сам отказался вступить в должность, не дав покончить дело Иванова» [там же, с. 35]. Но «союзники», продвигая Колчака, решают свои задачи. Усиление Японии не отвечало интересам западных стран. Поставив Колчака, они тем самым изолировали Омское правительство от японских вооруженных сил. Граница между «союзными государствами» теперь проходила по Байкалу.

18 ноября Временное сибирское правительство, не имея на это полномочий, заявляет о принятии на себя всей полноты государственной власти в России и в этот же день издает указ о производстве Колчака в адмиралы и присваивает ему звание «Верховный правитель». В день переворота назначенный министром внутренних дел А.Н. Гаттенбергер издает указание о «недопущении никаких выступлений и обсуждения в печати и на собраниях происшедшего» [там же, с. 44–45]. Последовала информационная кампания, в которой утверждалось, что переворот совершен под давлением широких слоев населения, групп. Какие-либо доказательства или факты не приводились.

Чехи, которых, как и японцев, не посвящали в детали готовившегося переворота, отнеслись к нему неодобрительно, хотя Колчак в должности министра по военным и морским делам совершил блиц-визит к Гайде, пытаясь выстроить с ним отношения. В

этом турне вагон с Колчаком был прицеплен к поезду британского полковника Уорда.

В день совершения переворота Колчак наносит визит представителям французского и британского военного командования и всячески стремится продемонстрировать всем поддержку со стороны западных государств. В разговоре с атаманом А.И. Дутовым 20 ноября 2018 г. Колчак подчеркивает, что «со стороны французов и англичан... лично я встречаю самое благожелательное отношение. Предоставлено в случае надобности распоряжаться английскими войсками, находящимися в Омске для поддержания порядка» [13, с. 307]. То есть Колчак прямо намекает, что в случае какого-либо сопротивления на его стороне выступят войска «союзников».

21 ноября в обращении к офицерам русской армии он опять отмечает роль западных государств в его возвышении: «Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи...» [2, с. 64]. Через день он опять не преминул отметить их роль в призыве к офицерам и солдатам русской армии: «С нами братские чехословацкие войска и союзные... пришедшие на помощь отряды Великобритании и Франции...» [13, с. 388]. Свои отношения с Деникиным Колчак также выстраивает через «союзников». Зашифрованные телеграммы передаются через британскую военную миссию.

В исторической литературе ряд исследователей рассматривают Колчака как вполне самостоятельную политическую фигуру, поддержанную консервативными силами Белого движения и выведенную ими на авансцену Гражданской войны в России. Однако нет никаких серьезных фактов, позволяющих делать подобные выводы. Колчак выступает как креатура геополитических противников России, не заинтересованных в возрождении и усилении Российской империи. По крайней мере, сами «союзники» свою ставку на Колчака не скрывали. Английский военный министр У. Черчилль, выступая в июне 1919 г. в палате общин и говоря о правительстве Колчака, выразил это фразой: «Мы вызвали его к жизни...» [14, с. 37–38].

«Союзные государства» свои цели реализуют последовательно. Одним из первых актов колчаковского правительства стала декларация от 21 ноября 1918 г., в которой оно обещало выполнить все обязательства по внутренним и внешним государственным займам России [2, с. 66]. Оказывать же какую-либо оперативную и масштабную помощь они не спешат. Расчет делается на

изматывание обеих сторон в кровопролитной гражданской войне, максимальное ослабление потенциала России. Искусством войны чужими руками они овладели намного лучше других. Продвинув Колчака на роль «Верховного правителя», «союзники» прибрали к своим рукам основные нити военного и политического контроля, включая контроль за железнодорожной коммуникацией. Сложившуюся после переворота ситуацию хорошо осознали все лидеры Белого движения в Сибири. 12 января 1919 г. в письме Колчаку представитель Всероссийского верховного командования при союзном командовании на территории России генерал-лейтенант Г.В. Романовский прямо указывает, что «ныне Франция и Англия взяли в свои руки вопросы командования и снабжения (оставляя в стороне вопрос нашего национального самолюбия)» [2, с. 128].

16 января 1919 г. подписывается соглашение между союзными войсками (в лице М. Жанена и А. Нокса) и Колчаком, в соответствии с которым главнокомандующим союзными войсками, действующими на востоке России и в Сибири к западу от Байкала, становился генерал Жанен. Второй пункт соглашения предписывал: «Высшее русское командование согласует ведение операций с общими директивами, сообщаемыми генералом Жаненом». Третий пункт конкретизировал это положение следующим образом: «...приказы и распоряжения, из них вытекающие, будут отдаваться русским начальником штаба по поручению Верховного главнокомандующего». Более того, соглашение обязывало колчаковский штаб держать «генерала Жанена... в курсе всех словесных распоряжений, которые могли бы отдаваться». Естественно, что и контроль за данным соглашением англичане с французами оставляли за собой. Жанен получал право «осуществлять общее наблюдение на фронте и в тылу... иметь своих офицеров в штабах, частях и учреждениях» [там же, с. 133–134]. Таким образом, задача колчаковского штаба состояла в доведении до своих войск задач союзного командования. Осуществив переворот и поставив во главе Омского правительства Колчака, англичане отнюдь не собирались отдавать бразды правления в его руки, поэтому утверждать о какой-либо политической, военной, административной самостоятельности «Верховного правителя» и его правительства невозможно.

Следует подчеркнуть, что эти договоренности носили закрытый характер. 19 января Колчак отдает приказ № 99 об объединении

действий русских и союзных войск на фронте. В нем эти ключевые положения, свидетельствующие о прямой зависимости штаба белых войск от союзного командования, либо не упомянуты, либо выражены обтекаемо [2, с. 138].

Подобная зависимость от «союзников» в совокупности с крайне ограниченной помощью, которую они же и распределяли, окончательно превращала вооруженные силы белых в орудие интервентов. Даже Деникин, который не находился под таким ручным управлением, в очередном письме Колчаку от 14 февраля 1919 г. признает, что «постоянным тормозом служат... крупные ошибки союзников, совершенно не разбирающихся в сложных явлениях русской жизни» [там же, с. 146]. Думается, что Деникин ошибался в своих оценках: «союзники» хорошо понимали сложившуюся ситуацию и делали все возможное, чтобы братоубийственная война на территории России продолжалась как можно дольше.

Ситуация для Колчака усугублялась непростыми отношениями между самими западными государствами. Причинами таких отношений выступали как внутренние проблемы этих стран, так и осознание того, что «Верховный правитель» является креатурой прежде всего Великобритании. Все это не могло не отразиться на транслируемой колчаковскому правительству помощи. В письме представителя России в Лондоне К.Д. Набокова Колчаку об отношении «союзных государств» к событиям в России и российскому правительству от 21 мая 1919 г. сообщается: «Ныне совершенно очевидно, что задача всемерного содействия освобождению России от анархии и террора большевиков взята на себя именно Англией. ...На помощь Франции рассчитывать абсолютно нельзя. ... Со стороны Вильсона идет систематическая обструкция всякому... возрождению русской государственности» [15, с. 117].

Лишь 26 мая 1919 г. «союзные государства» выступили с нотой об условиях оказания помощи правительству Колчака. Наряду с требованиями предоставления независимости Польше и Финляндии, признания автономности Эстонии, Литвы, Латвии, Кавказа, Закавказья, права определять будущее Бессарабии содержалось требование выполнения декларации, заявленной Колчаком 21 ноября 1918 г. в отношении российского национального долга. Колчак откликнулся на эти условия 4 июня 1919 г., подтвердив декларацию от 21 ноября 1918 г. [2, с. 272, 274]. При этом и сам Колчак, имитирующий борьбу за «великую и недели-

мую Россию», подыгрывает отколовшимся частям Российской империи, призывая их за это поучаствовать в борьбе с большевиками. В телеграмме регенту Финляндии К.Г. Маннергейму Колчак подтверждает «искреннее стремление России к национальной свободе финляндского народа». За это просит Маннергейма «перейти к решительным мерам... начав активные военные операции в направлении Петрограда» [2, с. 280].

Продвигая Колчака на роль «Верховного правителя», «союзники» преследовали несколько долгосрочных целей. Одной из них являлась нейтрализация усилий Японии, которая имела самый большой воинский контингент и при этом, в отличие от западных стран, готова была непосредственно участвовать в боевых действиях. Военный переворот не позволил создать единое командование вооруженными силами в Сибири и на Дальнем Востоке, усилил политическое противостояние и отрезал Японию от военной помощи единому антисоветскому правительству. Западные государства понимали, что союз Семенова с Колчаком усилит влияние Японии и выведет ее из сферы Дальнего Востока на сибирские просторы. Насколько важна была в тех условиях помощь Японии и поддерживаемых ею вооруженных сил на Дальнем Востоке, хорошо понимал атаман Дутов, который попытался примирить Семенова с Колчаком. Он уже практически склонил Семенова к признанию власти Колчака, но тот неожиданно получил от него телеграмму с приказом № 61 от 1 декабря об отрешении Семенова от должности, в которой последний именовался изменником Родины. Кто инициировал данный приказ, до сих пор неясно. Подлинник приказа в архивах не найден. Его текст приводят по книге Г.К. Гинса [16, с. 280–281]. Но эта телеграмма поставила окончательный крест на возможности подобного союза. В разговоре по прямому проводу с представителем Колчака генерал-майором Хорошкиным Семенов заявляет, что «не адмирал Колчак вверил мне славные отряды и не он возьмет их от меня» [2, с. 91].

После этого колчаковское правительство могло рассчитывать только на помощь со стороны Франции и Англии. Япония приостановила помощь, объясняя это тем, что Колчак не признает Японию союзником. США ограничивались только обещаниями. Это осознает и сам Колчак, но наивно верит, что помощь со стороны Великобритании и Франции будет «масштабной». По крайней мере, он выражает такую уверенность в очередном письме Деникину [там же, с. 125–126].

Можно предположить, что в действиях Колчака есть некий скрытый смысл, что это был временный вынужденный союз, который он хотел использовать в интересах восстановления могущества России. Однако вся предшествующая деятельность Колчака, особенно после февральского переворота, его усилия продать себя как кондотьера не позволяют предположить это даже в качестве гипотезы. Если даже считать действия Колчака в отношении «союзников» правильными из тактических соображений, то нельзя не видеть стратегические просчеты: колчаковское правительство лишалось поддержки войсками со стороны наиболее дееспособного союзника в лице Японии, войск атамана Семенова и прочих атаманов Дальнего Востока. Ресурсы дальневосточного региона, в том числе и мобилизационные, не могли быть использованы колчаковским правительством для усиления дееспособности своих войск. Возникли колоссальные трудности в области контроля за основной транспортной коммуникацией. Транссибирскую железнодорожную магистраль за Байкалом контролировали японцы, отношения с которыми были испорчены. Все это очень хорошо укладывается в реализуемую англичанами стратегию «разделяй и властвуй», которую они реализовывали, используя Колчака. Объективно, Колчак, не имевший опыта государственного управления, управления сухопутными силами, поддержки какой-либо влиятельной политической силы, на которую можно было опираться, не мог иметь каких-либо планов на самостоятельную игру и изначально на этом этапе выступал в качестве прямого агента британского правительства.

Изоляция Японии, выведение ее из категории «союзников» принципиально меняли и стратегию США. Из-за раскола в среде «союзных сил» США были вынуждены концентрировать свои усилия на борьбе с Японией. Более того, стратегия США работала на пользу советской власти. Стараясь вывести отряды атаманов из-под контроля Японии, американцы вели пропаганду с левосоциалистических позиций. Поэтому, когда американцы предложили оставить контроль за железной дорогой от Верхнеудинска до Иркутска за ними, Колчак выступил против, опасаясь, что американские войска в районе своей охраны будут культивировать большевизм [17, с. 191]. Вышеупомянутый генерал-лейтенант Г.В. Романовский отмечал, что рассчитывать на военное содействие Америки пока не приходится. Американские войска на Дальнем Востоке «присланы сюда не столько для ока-

зания нам помощи, сколько для обеспечения американских интересов от захватнических устремлений японцев» [2, с. 128].

Когда колчаковщина катилась к своему закату, американцы отбросили всякий политес в отношении с Колчаком. В частности, они напрямую пытались использовать в своих интересах Гайду, снятого Колчаком и высланного из страны. Гайда со своими легионерами выезжать из Владивостока не спешил и, пользуясь поддержкой американцев, вел антиколчаковскую пропаганду и готовил мятеж. Опираясь на их поддержку, снятый и разжалованный генерал Гайда 18 ноября 1919 г. поднимает мятеж во Владивостоке и объявляет себя начальником Русской народной армии. И хотя мятеж был быстро подавлен, на американскую позицию это не повлияло. Только японцы в лице представителей коммерческих фирм выступили с обращением к генералу С.Н. Розанову, в котором назвали Гайду авантюристом, а организованный им мятеж — «ударом в спину воюющей армии» [там же, с. 443]. Остальные «союзники» промолчали.

Кроме максимального ослабления России и ее откровенного грабежа, «союзные государства» преследовали еще одну важную цель, связанную с присвоением золотого запаса России. Не случайно организованный ими переворот по времени удивительно совпадает с прибытием в Омск золотого запаса империи. Именно поэтому они не признали колчаковское правительство как всероссийское. Вследствие этого Колчак не мог расплачиваться за поставки оружия и амуниции золотом, размещенным царским правительством в западных банках. Расплачиваться можно было только золотом, прибывшим в Омск. За полгода Колчак опустошил золотой запас России на 193,049 т, или почти на 37 % [18, с. 170]. Оставшееся золото «союзники» планировали вывезти под своим контролем во Владивосток, а из него оно должно было отправиться по банкам «союзных государств». Роль Колчака заключалась в пролонгации подобных действий. Однако к этому времени назревает явный разрыв в отношениях Колчака и его покровителей. «Верховный правитель», очевидно, начинает осознавать ту роль, которую ему прописали его хозяева. Хаос усугубляется, войска бегут с фронта, никакой реальной помощи нет, золотой запас катастрофически убывает. Положение Колчака становится не только безнадежным, но и отчасти жалким и смешным в своей абсолютной зависимости от «союзников». Оскорбленное самолюбие прорывается наружу. В конце сентября 1919 г. он его демонстрирует дважды.

26 сентября 1919 г. Междусоюзный комитет военных представителей Франции, Англии, Японии и США потребовал от командующего войсками Приамурского округа генерала Розанова до 12 ч 29 сентября вывести русские войска, бронированные поезда за пределы Владивостокского крепостного района. Колчак на уведомление «союзных государств» отреагировал резко. В телеграмме, посланной Розанову, он, в частности, приказал «оградить от всяких посягательств суверенные права России на территорию крепости Владивосток, не останавливаясь, в крайнем случае, ни перед чем» [13, с. 499–500].

Второй случай приводит в своем дневнике П.В. Вологодский в записи от 29 сентября 1919: «...однажды почти весь персонал дипломатических представителей и военных миссий наших союзников явился к Верховному правителю и предложил ему взять под международную охрану государственное золото и вывезти его во Владивосток». Вологодский видел в этом стремление западных государств прибрать золотой запас, находившийся в Омске, в счет долга русских правительств иностранным державам. Колчак, со слов Вологодского, ответил приблизительно так: «Не дам вам золото под охрану, я вам не верю». Реакцию дипломатических и военных представителей западных стран Вологодский описывает следующим образом: «Представители союзников были прямо ошеломлены... Произошла тяжелая сцена» [17, с. 231–232]. Очевидно, «союзники» были настолько уверены в управляемости Колчака, что действительно испытали шок. Колчак затем стал оправдываться, что ситуация не критичная, что не стоит спешить с вывозом золота. Но как пишет Вологодский, «союзники» ушли от Колчака «подавленные» и с «затаенной злобой». Было очевидно, что их планы, связанные с золотым запасом, явно пошли не так. После этого представители «союзных сил» стали быстро покидать Омск.

Строптивость Колчака в отношении золотого запаса получила быстрое продолжение. 10 октября он получает телеграмму от британского военного министра У. Черчилля с уведомлением о прекращении ему помощи со стороны Англии. По сути, это был приговор отступающему колчаковскому войску и ему самому как «Верховному правителю».

Никакого оптимизма по поводу многократно обещанной помощи у Колчака уже нет, но у него нет и другого выхода. Напоминающая, что российское правительство всегда сохраняло «неизменную верность союзникам» во время великой войны, он обращается к

правительствам «дружественных ей держав», что «они не оставят его своей дальнейшей поддержкой и помощью». Только при таких условиях российское правительство «доведед борьбу до победного конца» [2, с. 420–421].

Чехи приступили к эвакуации 1 октября. Колчаковское войско они вперед не пропустили, поэтому русские эшелоны оказались в чрезвычайно сложных условиях. В отступающих эшелонах свирепствовал голод, холод и тиф. Гибель эшелонов с семьями нанесла огромный моральный удар по Колчаку. Находясь в столь унижительном положении в отступающем эшелоне, осознавая свою абсолютную зависимость от «союзников», Колчак предпринимает неадекватную попытку сыграть роль независимого «Верховного правителя». Свидетельством этого является его обращение к военным и дипломатическим представителям союзных держав по поводу чешского меморандума 25 ноября. Оценивая меморандум и мятеж Гайды во Владивостоке, Колчак увязывает его со стремлением великих держав получить санкцию «на вмешательство вооруженной силой в русские внутренние дела... Малейшие шаги в этом смысле будут мною рассматриваться как враждебный акт... и я отвечу на него вооруженной силой и борьбой, не останавливаясь ни перед чем» [19, с. 114–115]. Какой вооруженной силой и борьбой может ответить Колчак с убегающим деморализованным войском, тотально зависимый от «союзных государств»?

Нервный срыв Колчака перепугал его ближайшее окружение. Когда информация об этом обращении Колчака дошла до В.Н. Попеляева, тот моментально позвонил ему и попросил отрешиться от данного обращения. Колчак ответил, что он этого сделать не сможет: «Я стою на своей точке зрения и такого отношения со стороны союзников ко мне и моему правительству не потерплю» [там же, с. 140]. Исполняющий обязанности главного управляющего делами Верховного правителя и Совета министров К.П. Харитонов в разговоре с директором канцелярии А.А. Мартьяновым 27 ноября заявляет, что данное обращение Колчака является «гибельным» и окончательно разрушает отношения с чехами [там же, с. 141–142].

Колчак согласен отозвать меморандум только в случае аннулирования чехами своего акта, заявляя, что «есть предел дипломатическим приемам и наглость отдельных лиц не может остаться без ответа» [2, с. 450]. Но все же и в этот раз он сдается. 30 ноября в телеграмме на имя председателя Совета

министров и управляющего Министерством иностранных дел он приостанавливает свой протест по поводу чешского меморандума. И это означает, что Колчак смирился со своей ролью и абсолютной зависимостью от действий западных государств.

«Союзников» в данном случае волнует судьба золота, но не судьба Колчака. То, что у них не получилось в Омске, теперь происходит в Нижнеудинске. «Союзные государства» действуют без особых церемоний. Утверждая, что золотой запас находится в опасности, они заявляют о готовности Высшего командования союзных войск в Сибири принять необходимые меры для принятия этого золота союзными силами и... направить его во Владивосток под конвоем «союзников», где оно будет храниться до тех пор, пока союзные правительства по соглашению с представителями русского правительства примут решение об его окончательном назначении [2, с. 474]. «Союзники» ощущают себя хозяевами положения и напрямую диктуют свои условия. Однако, как показали дальнейшие события, они явно недооценили возможности партизанского движения и наступательный потенциал 5-й армии.

Колчак после этого озабочен только личным спасением. Рассматривалось несколько вариантов избежать пленения. Можно было спастись, двинувшись от Нижнеудинска старым почтовым трактом (250 верст) в Монголию. Поначалу Колчак склонялся именно к этой идее. Но к тому времени даже его охрана уже потеряла всякое доверие и уважение к нему. Вначале почти все солдаты конвоя перешли к большевикам, а затем и офицеры отказались пробиваться с ним в Монголию, заявив, что без него «гораздо легче будет уйти». Поэтому Колчак обречен, и он это понимает: «Все меня бросили» [там же, с. 726–727].

Оставался еще один вариант для спасения: раствориться в эшелоне среди чехов, переодевшись в солдатское платье. Но этот вариант был уже совсем унижительным, да и отношения с чехами были испорчены настолько, что не было гарантии безопасного выезда и в этом случае.

Поэтому остается надежда на последний вариант. 4 января Колчак передает свои полномочия Деникину, уведомляет об этом «союзников», просит распоряжения о продвижении в Забайкалье «моих поездов с их личным составом и под охраной союзных держав» [там же, с. 477–478]. Ближайшее окружение Колчака, да и он сам, еще надеется, что прямого предательства со стороны западных государств все же не произойдет

и что дальше из Иркутска под охраной японцев (в Иркутске их было сосредоточено два батальона) он двинется то ли в Харбин, то ли во Владивосток. Они даже составляют список особо приближенных во главе с Колчаком, чтобы решить с Жаненом вопрос их материального обеспечения для жизни за границей.

Однако японцы намерений спасти британскую марионетку не имели. От предложения чехов, якобы исходившего от помощника Жанена — полковника Марино, принять адмирала отказались, «ссылаясь на неимение на то инструкций» [2, с. 731].

К этому времени из иностранных войск в Сибири оставались только чехи, поляки и сербы, а на Дальнем Востоке — небольшие контингенты американцев. В конечном итоге 15 января представители чешского командования передают по акту, как отработанную вещь, Колчака и Попеляева, а также эшелон с золотым запасом в руки Политцентра в обмен на договоренность об их беспрепятственном выезде из России. На этом заканчивается эпопея взаимоотношений А.В. Колчака с представителями «союзных государств».

Историко-геополитическая интерпретация исследуемых взаимоотношений дает возможность выделить основные этапы их эволюции. Несомненно, первые контакты Колчака с представителями западных государств произошли во время его нахождения в японском плену. С этого времени лоббистская деятельность Колчака, а также его артикулированная внешнеполитическая ориентация, нашедшая отражение в ряде публикаций, объективно отражает интересы морских государств, классическими представителями которых являются Великобритания и США. Это позволяет сделать вывод об очевидном влиянии представителей западных государств на мировоззренческую позицию Колчака и пролонгирование ее на его последующую деятельность. Несмотря на отсутствие документальных источников, благодаря различным косвенным доказательствам можно утверждать, что Колчак действует в качестве агента британских интересов. Его быстрое продвижение по служебной линии можно объяснить только поддержкой тех сил, которые формировались и контролировались Великобританией и определенно использовались для ослабления Российской империи. Новый этап в отношениях Колчака с западными государствами начинается с лета 1917 г., когда он пытается перейти на службу англосаксонским государствам. Первоначально он стремится за передачу секретной информации и специфических зна-

ний получить место в американских военных структурах. Затем открыто переходит на военную службу британскому правительству. Представители последнего в конечном итоге склонились к его использованию в качестве марионеточного деятеля для реализации своих геополитических интересов в развязанной гражданской войне. Колчак в прописанной для него должности «Верховного правителя» объективно сделал все для осуществления целей «союзников». По мере их реализации не только исчерпывался функционал самого Колчака в качестве представителя интересов западных государств, но и одновременно происходила его дискредитация по причине тотальной зависимости, прежде всего от Великобритании и Франции. Это становится

очевидным даже для тех, кто, возможно, искренне поддерживал Колчака. Поэтому никакого предательства Колчака его окружением не было. От него отвернулись как от открытого представителя интересов западных государств. В годы Русско-японской войны Колчак сражался как офицер своего Отечества, хотя это и закончилось пленом. Спустя 15 лет его жизненный путь опять завершается пленом. Только теперь Колчака сдают в плен представители интервентов ради своего спасения. История неоднократно подтверждает подобный закономерный исход для тех, кто пытался по различным мотивам обслуживать интересы геополитических противников России. Эти исторические уроки актуальны и в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.В. Колчак, 1874–1920 : сб. док. В 2 т. Т. 1 : А.В. Колчак. От кадета до флотоводца, 1874–1918 / отв. ред. Ю.Г. Орлова. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 2021. — 720 с.
2. А.В. Колчак, 1874–1920 : сб. док. В 2 т. Т. 2 : А.В. Колчак: верховный правитель России. 1918–1920 / отв. ред. Ю.Г. Орлова. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 2021. — 976 с.
3. Стариков Н. Адмирал Колчак. Протоколы допроса [Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января — 6 февраля 1920 г.)] / Н. Стариков. — Санкт-Петербург : Питер, 2015. — 272 с.
4. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.) / С.Н. Тимирев. — Нью-Йорк : Амер. о-во для изучения рус. мор. истории, 1961. — 172 с.
5. Савич Н.В. Три встречи (А.В. Колчак и Государственная дума) / Н.В. Савич // Архив русской революции. — 1923. — Т. 10. — С. 169–174. — URL: https://www.yabloko.ru/Publ/2008/11/081101_savich_kolchak.htm (дата обращения: 11.10.2021).
6. Козлов Д.Ю. Учреждение Морского генерального штаба в 1906 г.: борьба амбиций и поиск модели управления / Д.Ю. Козлов. — DOI 10.31857/S086956870016242-7 // Российская история. — 2021. — № 4. — С. 126–136.
7. Колчак А.В. Какой флот нужен России / А.В. Колчак // Армия и флот. — 2002. — № 1 (149). — С. 2–8.
8. Аллисон Г. Обречены воевать / Г. Аллисон. — Москва : АСТ, 2019. — 416 с.
9. Вандам (Едрихин) А.Е. Геополитика и геостратегия / А.Е. Вандам (Едрихин) ; сост. И. Образцова. — Москва : Кучково поле, 2002. — 272 с.
10. Дроздов С. Штрихи биографии Колчака / С. Дроздов // Проза.ру. — URL: <https://www.proza.ru/2015/11/26/674> (дата обращения: 15.10.2021).
11. Верховский А.И. На трудном перевале / А.И. Верховский. — Москва : Воениздат, 1959. — 448 с.
12. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920 / П. Флеминг. — Москва : Центрполиграф, 2006. — 272 с.
13. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И.Ф. Плотников. — Москва : Центрполиграф, 2002. — 701 с.
14. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г.З. Иоффе. — Москва : Мысль, 1983. — 294 с.
15. Колчаковщина : сб. / под ред. Н. Райвида, В. Быкова. — Екатеринбург : Уралкнига, 1924. — 249 с.
16. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) / Г.К. Гинс. — Москва : Айрис-пресс, 2008. — 670 с.
17. За спиной Колчака: документы и материалы / под ред. А.В. Квакина. — Москва : Аграф, 2005. — 511 с.
18. Шалак А.В. Иркутская история золота Российской империи / А.В. Шалак. — DOI 10.17150/2308-2488.2019.20(2).155-175 // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 2. — С. 155–175.
19. Последние дни колчаковщины / подгот. М.М. Константинов. — Москва : Гос. изд-во, 1926. — 231 с.

REFERENCES

1. Orlova Yu.G. (ed.). *A. V. Kolchak, 1874–1920*. Saint Petersburg, BLITs Publ., 2021. Vol. 1. 720 p.
2. Orlova Yu.G. (ed.). *A. V. Kolchak, 1874–1920*. Saint Petersburg, BLITs Publ., 2021. Vol. 2. 976 p.
3. Starikov N. *Admiral Kolchak. Interrogation protocols [Minutes of the meetings of the Extraordinary Commission of Inquiry (January 21 — February 6, 1920)]*. Saint Petersburg, 2015. 272 p.
4. Timirev S.N. *Memoirs of a naval officer. Baltic Fleet during the war and revolution (1914–1918)*. New York, American Community for the Study of Russian Maritime History Publ., 1961. 172 p.
5. Savich N.V. Three meetings (A.V. Kolchak and the State Duma). *Arkhiv russkoi revolyutsii = Archive of the Russian Revolution*, 1923, vol. 10, pp. 169–174. Available at: https://www.yabloko.ru/Publ/2008/11/081101_savich_kolchak.htm. (In Russian).

6. Kozlov D.Yu. Creation of the naval general staff in 1906: the struggle of ambitions and the search for a command model. *Rossiiskaya istoriya = History of Russia*, 2021, no. 4, pp. 126–136. (In Russian).
7. Kolchak A.V. What Kind of Fleet Russia Needs. *Armiya i flot = Army and Fleet*, 2002, no. 1, pp. 2–8. (In Russian).
8. Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides Trap?* New York, Houghton Mifflin Harcourt, 2017. 384 p. (Russ. ed.: Allison G. *Destined for War*. Moscow, AST Publ., 2019. 416 p.).
9. Vandam (Edrikhin) A.E.; Obraztsova I. (ed.). *Geopolitics and Geostrategy*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2002. 272 p.
10. Drozdov S. Strokes of Kolchak's biography. *Proza.ru*. Available at: <https://www.proza.ru/2015/11/26/674>. (In Russian).
11. Verkhovskii A.I. *On a Difficult Passageway*. Moscow, Voenizdat Publ., 1959. 448 p.
12. Fleming P. *The fate of admiral Kolchak*. New York, Harcourt, 1963. 253 p. (Russ. ed.: Fleming P. *The fate of admiral Kolchak. 1917–1920*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006. 272 p.).
13. Plotnikov I.F. *Alexander Vasilyevich Kolchak. Explorer, admiral, Supreme Ruler of Russia*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2002. 701 p.
14. Ioffe G.Z. *Kolchak's adventure and its collapse*. Moscow, Mysl' Publ., 1983. 294 p.
15. Raivid N., Bykov V. (eds.). *Kolchak regime*. Ekaterinburg, Uralkniga Publ., 1924. 249 p.
16. Gins G.K. *Siberia, Allies and Kolchak: Turning Point in the Russian History. 1918–1920: (Impressions and Thoughts of a Member of the Omsk Government)*. Moscow, Airis-press Publ., 2008. 970 p.
17. Kvakin A.V. (ed.). *Behind Kolchak's back: documents and materials*. Moscow, Agraf Publ., 2005. 511 p.
18. Shalak A.V. Irkutsk Story of Gold Reserves of the Russian Empire. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 2, pp. 155–175. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(2).155-175.
19. Konstantinov M.M. (ed.). *Last days of the Kolchak regime*. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Publ., 1926. 231 p.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ShalakAV@bgu.ru.

Для цитирования

Шалак А.В. А.В. Колчак и «союзники»: от японского плена до иркутской драмы / А.В. Шалак. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1).202-213 // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 202–213.

Author

Alexander V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of the Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: Shalakav@bgu.ru.

For Citation

Shalak A.V. Alexander Kolchak and the «Allies»: from the Japanese Captivity to the Irkutsk Drama. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 202–213. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(1).202-213.